

Ромашковая поляна

Я бывал здесь чуть ли не каждый день. Приезжал обычно вечером после работы, садился на потемневший от времени еловый пенек и смотрел. Просто смотрел на белое чудо, раскинувшееся у моих ног. И от сердца отходили мелкие суетные невзгоды. Жизнь казалась удивительно чистой и прозрачной, как лесной ручей, что журчал за моей спиной в ольховой лощине.

Правда, иногда мне было немного странно, что небольшая, сплошь усыпанная золотисто-белыми крупными ромашками поляна остается целой и невредимой здесь, неподалеку от города. Но проходил день за днем, а цветы по-прежнему жили своей жизнью. По-прежнему над ними ласково гудели шмели, и, точно отвечая им, в такт слабым порывам ветра ромашки задумчиво покачивали головами.

Потом я не был на поляне несколько дней. Но наконец-то выбрал вечерок и на велосипеде, как всегда, покатил по большаку к своим ромашкам. Знакомый поворот. Но что это?! Лесную заброшенную дорогу разрезали колеса автомашины. Невольно ускорил шаги. Вот и ромашковая поляна. Ее было не узнать... Прямо посередине в ошметках грязи пролегла автомобильная колея. С краю, напротив елового пенька, чернели головешки потухшего костра. Рядом валялись пустые консервные банки, осколки битых бутылок, обрывки газет. От бывшего ромашкового чуда остались лишь редкие золотисто-желтые островки. Я прошелся по поляне, на которую еще совсем недавно не смел ступить, посидел на любимом пеньке. Но прежнего чувства спокойствия и умиротворения не наступало. Напротив, в душе поднялись боль и обида.

Как мог, я убрал разбросанный хлам. Банки, стекло, газеты отнес в лес, выбросил все в яму. Но горечь и обида не оставляли меня. Мучительно хотелось, чтобы это чувство хотя бы немного испытал тот, кто обезобразил, изуродовал ромашковую поляну. Чтобы до него дошло, что он обезобразил и изуродовал не просто клочок земли, покрытый цветами, а землю, нашу кормилицу, огромную, но хрупкую, судьба которой зависит от каждого из нас.

В. МАЛИНОВСКИЙ